

Линь Чжоу немного полежал, приходя в себя. Когда тягучая слабость в теле наконец отступила, он поднялся и вышел из спальни.

Сразу за дверью его настигло ощущение, знакомое лишь тем, кто стоит в самом центре сцены под слепящими софитами. Все взгляды сошлись на нем.

Линь Чжоу обвел взглядом собравшихся в гостиной и неловко сглотнул.

Сомнений не было: каждый в этой комнате прекрасно знал, что ему только что спустили штаны и ввели укол.

В этот момент он мысленно возблагодарил отца за то, что тот вырастил его непробиваемо толстокожим. Лишь благодаря этому Линь Чжоу ухитрился сохранить невозмутимое лицо и даже попытался изобразить изящную походку, когда под всеобщими сочувственными взглядами ковылял к дивану, чтобы примоститься рядом с Чжоу Цин.

Стоило ему опуститься на подушки, как пониже спины отозвалась резкая, странная боль. Линь Чжоу мгновенно вытянулся в струну.

Чжоу Цин пододвинула к нему тапочки и протянула телефон:

— Разрядился и выключился.

Обувшись, Линь Чжоу дотянулся до зарядного провода на журнальном столике и воткнул его в гнездо смартфона.

Вскинув голову, он наткнулся на взгляд Цзян Шияня, который сидел напротив и не сводил глаз с его мобильного.

Злость на этого парня все еще кипела в нем, так что Линь Чжоу не удержался и наградил Цзян Шияня самым свирепым взглядом, на какой был способен.

Тот и бровью не повел. Подержав взгляд на чужом телефоне еще с полминуты, он невозмутимо отвернулся.

Все остальные, напротив, буравили его сочувственными взглядами. Родственники явно хотели поинтересоваться состоянием его пострадавшей филейной части, но просто не находили приличных слов.

Линь Чжоу выдавил вымученную улыбку и поглубже забился в мягкие подушки.

Чжоу Цин протянула ему таблетки от простуды и стакан. Линь Чжоу послушно принял лекарство прямо из ее рук, чувствуя себя под прицелом десятка пар глаз.

Капризничать и строить из себя беспомощного младенца перед матерью ему было не привыкать, но сейчас, под перекрестным огнем взглядов — да еще и в присутствии ее настоящего, биологического сына — стало чертовски неловко. Линь Чжоу поспешно перехватил стакан и сам допил воду.

Проглотив горькую гадость, он непроизвольно скривился.

Чжоу Цин набросила ему на плечи легкий плед:

— Полежи, отдохни.

Линь Чжоу ломаться не стал. Он поудобнее устроился на диване, завернувшись в плед до самого носа.

В комнате воцарилась тяжелая тишина. Бог знает, о чем они толковали до его появления, но сейчас никто не решался нарушить молчание. На кофейном столике сиротливо белели плотные конверты из крафтовой бумаги — судя по всему, те самые результаты генетической экспертизы.

Все указывало на очевидное: много лет назад в роддоме перепутали именно его и Цзян Шияня.

Линь Ишань распорядился, чтобы принесли горячий рисовый отвар. Чжоу Цин наполнила пиалу и передала Линь Чжоу. Тот принял ее осторожно, маленькими глотками хлебать жидкую кашу. Во рту было горько и пресно, воспаленное горло нещадно драло, но пустой желудок требовал еды.

— Чжоучжоу... как ты? — нарушила молчание Ду Жо, не сводя с него обеспокоенного взгляда.
— Тебе хоть немного лучше?

Говорить Линь Чжоу по-прежнему не мог, поэтому лишь тепло и широко улыбнулся ей в ответ. Природа наградила его яркой, притягательной внешностью, а когда он улыбался вот так — искренне, прищутив сияющие глаза, — перед его обаянием не мог устоять никто.

На лице Ду Жо тоже проступила мягкая ответная улыбка.

Разговор заглох, едва успев начаться. В воздухе вновь повисло тягучее, осязаемое напряжение.

Директор Чэнь, чувствуя себя лишним на этом празднике неловкости, поднялся с места:

— Ладно, в больнице дел невпроворот, поеду я.

— Да-да, конечно, я провожу, — тут же засобирався Линь Ишань. — Спасибо, что лично приехали.

— О чем вы говорите, какое спасибо! Это вопиющая халатность нашей больницы. Жаль только, времени прошло слишком много — почти весь тогдашний персонал давно поувольнялся, теперь и концов не сыскать. Истинную причину мы вряд ли узнаем. Примите мои глубочайшие извинения. — Директор Чэнь отвесил искренний поклон главам обоих семейств.

Линь Ишань поспешно придержал его за плечи:

— Ну что вы, вашей вины тут нет и в помине.

В те годы Чэнь был всего лишь зеленым практикантом.

Цзян Цунжун в знак согласия молча наклонил голову.

Линь Чжоу мысленно усмехнулся. Старший Цзян и впрямь был эталоном ледяного величия. Шиянь когда-то рассказывал, что они с отцом вообще не разговаривают: усядутся вдвоем в комнате — и сидят как два сыча, соревнуясь, кто кого перемолчит.

— Кстати, если подумать, мы ведь скоро породнимся, — вдруг улыбнулся на прощание Директор Чэнь.

— Как это? — не понял Линь Ишань.

Директор Чэнь многозначительно зыркнул на притихшего на диване парня:

— Чэнь Кэ — моя племянница, дочка младшего брата. Как сыграют с Линь Чжоу свадьбу, так и станем законной родней.

Линь Чжоу едва не подавился. Каша пошла не в то горло, и он зашелся в надрывном хриплом кашле.

Чжоу Цин принялась осторожно похлопывать его по спине, тихо ворча:

— Да что ж ты так неосторожно-то? Куда спешишь?

Линь Чжоу обиженно шмыгнул носом.

«Меня тут, считай, без меня женили, а я даже подавиться от неожиданности не имею права?!»

Отдышавшись, он украдкой зыркнул на Цзян Шияня. Тот созерцал эту сцену со своим фирменным покерфейсом, не выдающим ни единой мысли.

От этого безучастного вида в душе у Линь Чжоу зашевелилось глухое раздражение.

— Чего-о? — вытаращился Линь Ишань. — Какая еще Чэнь Кэ? Невеста? Какого черта я ничего об этом не знаю? Ах ты паршивец... — Он грозно насунился на притворяющегося ветошью сына.

Линь Чжоу мысленно показал отцу большой палец. Красавчик! Старику определенно стоило пойти в пиарщики. Золотое правило кризисного менеджмента: строй из себя дурака, округляй глаза — и фиг кто до тебя докопается.

Директор Чэнь, глядя на это искреннее недоумение, добродушно рассмеялся и ободряюще похлопал приятеля по плечу:

— Да ты хоть иногда светскую хронику почитывай. Молодежь уже который год шифруется. Ну да ладно, всему свое время.

Линь Ишань выдал из себя дежурный смешок. Какая еще свадьба, если этот оболтус девчонку даже на порог ни разу не привел? Совсем страх потерял, мерзавец? Ну уж нет, пока он жив, последнее слово в этом доме останется за ним.

Проводив гостя, Линь Ишань вернулся на место. Тягостная пауза возобновилась. Линь Чжоу прекрасно понимал, почему все так буксуют. Ситуация и правда складывалась дичайшая. Одно дело, когда ребенка крадут среди бела дня: родители годами сходят с ума от горя, а потом обретают потерянное дитя. Тут же у обеих пар под боком все это время рос любимый сын. И теперь, когда им внезапно объявили, что их кровиночки на самом деле чужие люди, глупо было ожидать мгновенных слез и горячих объятий. Роли так быстро не меняются.

Линь Чжоу осторожно, из-под опущенных ресниц, оглядел присутствующих. Глава семейства Линь напряженно разглядывал панорамное окно, а Цзян-старший с таким каменным лицом вперился в стоящую у двери кадку с фикусом, словно это было величайшее произведение искусства. Женщины справлялись хуже. Взгляды обеих матерей то и дело металась от Линь Чжоу к Цзян Шияню — несчастные женщины разрывались между зовом крови и годами привязанности, отчаянно боясь сделать неверный шаг и ранить кого-то из сыновей. И лишь виновник торжества, Цзян Шиянь, восседал на своем диване каменным изваянием, будто вся эта драма его вообще не касалась.

От этой гробовой тишины у Линь Чжоу уже спирало дыхание. Ситуации требовался громоотвод, но единственный человек, способный мастерски заболтать любую неловкость — он сам, — сейчас прискорбно безмолвствовал из-за ангины. А второму потенциальному спасителю

обстановка казалась вполне комфортной: если Цзян Шиянь сам не чувствовал дискомфорта, то на душевные муки окружающих ему было глубоко плевать.

— Кажется, Чжоучжоу и Сяо Янь ходили в одну группу еще в детском саду? — снова решилась подать голос Ду Жо, пытаясь нащупать хоть какую-то общую тему.

— Да-да, — поспешно подхватила Чжоу Цин. Она на пару секунд задержала тоскливый взгляд на Цзян Шияне и тихо вздохнула: — Плечом к плечу от горшка до диплома. Видимо, судьба так распорядилась.

Разговор снова угас, едва начавшись.

Через минуту Линь Ишань натужно кашлянул в кулак:

— Как дела на работе, господин Цзян? Сильно загружены?

— Терпимо, — столь же весомо и лаконично отозвался тот.

На этом светская беседа благополучно скончалась.

Спустя еще вечность Чжоу Цин потянулась к фарфоровому чайнику:

— Давайте я вам еще чайку подлью. Горяченького.

Мужчины послушно загремели чашками и сделали по глотку.

Линь Чжоу понял, что больше не выдержит этого цирка. Более нелепого и вымученного зрелища он в жизни не видел. Он нажал на кнопку включения стоявшего на зарядке смартфона, дождался загрузки системы и открыл мессенджер. Листая список контактов, он отыскал Цзян Железного Молота — чат с ним не обновлялся уже сто лет.

Экран приветствовал его девственной белизной — из-за недавней смены аппарата вся история переписки канула в лету. Линь Чжоу на секунду завис, покусывая губу, а затем быстро набрал короткое сообщение:

«Сваливаем», — отправил он.

Сидящий напротив Цзян Шиянь уловил вибрацию в кармане, достал трубку и, скользнув взглядом по экрану, тут же вскинул голову.

Линь Чжоу вздернул подбородок и демонстративно сощурился, давая понять: это не жест

примирения, просто им обоим пора освободить сцену.

Цзян Шиянь без лишних слов поднялся с дивана:

— Я помогу Линь Чжоу подняться в спальню. Ему нужно прилечь.

Линь Чжоу тоже кое-как сполз с дивана, одарил измученных родителей вежливыми улыбками и заковылял к лестнице.

Цзян Шиянь коротко кивнул взрослым и двинулся следом за ним.

Линь Чжоу тихонько шлепал тапками, стараясь не слишком хромать. Чертов антибиотик оказался на редкость ядреным — пострадавшее полушарие до сих пор отзывалось противной, дергающей болью при каждом шаге.

Едва переступив порог спальни, он мешком повалился на кровать лицом вниз. Организм, измученный высокой температурой, держался на чистом упрямстве, и теперь, когда необходимость притворяться отпала, Линь Чжоу почувствовал себя выжатым лимоном.

В комнате царило молчание. Не уловив за спиной никаких звуков, Линь Чжоу нахмурился и решил перевернуться, чтобы проверить, куда подевался его конвоир. Но на беду он примостился у самого края матраса — и в следующую секунду кубарем полетел вниз.

Глухой стук — и приземление вышло максимально жестким.

Аккураат на пострадавшую пятую точку. И прямо на свежий след от иглы.

Твою же мать!..

Ощущения были поистине непередаваемыми.

Линь Чжоу поднял слезящиеся глаза и увидел застывшего над ним Цзян Шияня. Тот так и остался стоять в нелепой позе с вытянутыми руками, глядя на него со сложной смесью чувств. Видимо, честно пытался поймать летящее тело, но гравитация оказалась быстрее.

Одарив парня убийственным взглядом, Линь Чжоу, шипя от боли, начал неуклюже соскребать себя с пола. Цзян Шиянь потянулся было помочь, но Линь Чжоу со злостью отпихнул его руку. Да что за проклятие сегодня такое?! Почему все удары судьбы приходятся строго по его несчастному заду?!

Цзян Шиянь все-таки не выдержал. Из его груди вырвался тихий смешок.

Вот же скотина... Линь Чжоу никогда в жизни так страстно не желал обрести потерянный голос, чтобы высказать этому ублюдку всё, что о нем думает.

Зажимая пострадавшее место ладонью, он вскарабкался обратно на кровать и яростно закутался в плед. Но оставить последнее слово за соперником выше его сил, поэтому Линь Чжоу обернулся и одними губами яростно выплюнул:

— Проваливай.

Цзян Шиянь вальяжно прислонился к краю письменного стола, скрестив свои бесконечные ноги, и скрестил руки на груди:

— Слушай, а кто это клялся позавчера, что если еще хоть раз со мной заговорит, то возьмет мою фамилию?

Линь Чжоу мысленно закатил глаза.

«Я с тобой разговариваю, что ли?! Я тебя матом крою, дебила кусок!»

Издать хоть какой-то членораздельный звук голосовые связки отказывались, так что Линь Чжоу пришлось вложить всю накопившуюся ненависть в испепеляющий взгляд.

Цзян Шиянь, ничуть не смутившись этой безмолвной ярости, тонко улыбнулся:

— Впрочем, ирония судьбы в том, что тебе действительно придется взять мою фамилию.

Линь Чжоу осекся. Злость на мгновение уступила место глухому замешательству.

«Да что за чертовщина творится в этой жизни? Мы с Цзян Шиянем... действительно поменялись местами? Какое-то издевательство. Судьба решила лично отвесить мне смачную затрещину?»

— Расслабься. У небесной канцелярии слишком много забот, чтобы разыгрывать этот спектакль лично для тебя, — небрежно бросил Цзян Шиянь, будто прочитав его мысли.

Линь Чжоу мысленно показал ему средний палец.

«Сам ты кусок дерьма, и жизнь твоя такая же!»

Цзян Шиянь тем временем спокойно выдвинул ящик его письменного стола, вытащил оттуда припрятанную пачку сигарет, выудил одну и зажал между губ.

Линь Чжоу мгновенно высунул руку из-под пледа и предостерегающе ткнул в него указательным пальцем.

Тот лишь примирительно развел ладонями — мол, расслабься, зажигалки нет, поджигать не буду.

Цзян Шиянь небрежным жестом ослабил узел галстука. Сигарета покачивалась в углу его губ, а тонкий шрам у виска придавал его обычно безупречному лицу налет опасной небрежности.

«Какая, к черту, аристократическая холодность? Какое благородство? Обыкновенный уличный гопник, просто в дорогом костюме», — мысленно фыркнул Линь Чжоу.

— Ну и какие у тебя мысли по поводу всей этой истории? — нарушил молчание Цзян Шиянь.

Линь Чжоу наградил его абсолютно глухим взглядом.

— Идей нет? — парень вопросительно изогнул бровь.

И, не дожидаясь кивка, сам же согласился:

— Хотя верно. О чем тут вообще можно думать? Фарш назад не провернешь, время вспять не пустишь.

«Да у меня миллион идей! — Линь Чжоу аж зубами закрипел от злости. — Например, спуститься сейчас в гостиную, рухнуть перед твоими предками на колени и закричать: „Мама, папа, я ваш потерянный сын!“ А тебя, гада, вышвырнуть на мороз без единого гроша в кармане и сослать в джунгли Амазонки — помогать местным шимпанзе с размножением!»

— Чего молчишь-то? — Сигарета забавно дергалась в углу его губ в такт словам.

Линь Чжоу раздраженно дернул подбородком и отвернулся к стене. Слишком много чести — достаивать этого придурка ответами.

— Ах, точно, пардон. Ты же у нас временно лишился дара речи, — с издевательским раскаянием хлопнул себя по лбу Цзян Шиянь.

«Сука... — Линь Чжоу заскрежетал зубами. — Урод плешивый. Давай-давай, изливай желчь. Я тебе все равно ни словом не отвечу, подавись своим триумфом!»

Цзян Шиянь, заметив, что у парня от бешенства уже глаза покраснели, решил не доводить дело до греха. Он отлип от стола, подошел к книжному стеллажу и безошибочно выудил из-за

корешков на второй полке спрятанную зажигалку.

Линь Чжоу аж на постели приподнялся, уставившись на него во все глаза.

«Какого хрена?! Откуда этот гад знает про мой тайник для зажигалок?!»

— Свою в куртке оставил, одолжу на пару минут, — небрежно бросил Цзян Шиянь и скользнул за стеклянную дверь балкона, плотно притворив ее за собой.

Сквозь чистое стекло было видно, как его высокая, ладная фигура лениво привалилась к кованому балконному ограждению. Между длинными бледными пальцами тлела сигарета, рассыпая в сумерках крошечные искры. Он поднял голову, затягиваясь, и в полумраке проступил его резкий профиль — в этом жесте сквозила уже не мальчишеская дерзость, а зрелая, тяжелая собранность. И едва заметная, глубоко запрятанная тоска.

Цзян Шиянь посмотрел сквозь стекло прямо на Линь Чжоу. Позади него догорало мягкое осеннее солнце, но этот золотистый свет не мог согреть его глухое, въевшееся под кожу одиночество. В этот миг он до боли напоминал того самого пятнадцатилетнего угловатого подростка в вечно распахнутой белой школьной рубашке.

Линь Чжоу непроизвольно сжал край пледа.

Каково было маленькому Цзян Шияню расти в том огромном холодном доме? У него ведь тогда не было ничего, кроме безликих пачек денег. В начальных классах он круглый год видел только нанятых сиделок и экономок. Родители наезжали редкими набегами, привозя дорогие игрушки, а школьные собрания Цзян Шиянь неизменно проводил в одиночестве. Мальчишки в школе часто бегали за ним гурьбой, выкрикивая в спину злые дразнилки: «Вон идет сиротка при живых родителях!»

К средней школе парень наотрез отказался от чужих людей в доме и стал жить один. Один ходил на рынок, один готовил простую еду, один ужинал у телевизора и один засыпал в пустой гулкой квартире. Сам переносил высокую температуру, сам справлялся с ночными кошмарами.

Он не раз признавался Линь Чжоу, что больше всего на свете любит бывать у него дома. Потому что у Линей всегда было шумно, пахло домашней едой и уютом — тем самым живым человеческим теплом, которого Шиянь был лишен. В те годы он еще мог откровенно говорить с другом о своих родителях, делиться глупой детской тоской. Но стоило им перейти в старшие классы, как Цзян Шиянь раз и навсегда вычеркнул эту тему из разговоров. Линь Чжоу знал: за этим глухим молчанием скрывались сотни неоправдавшихся надежд и глубокое, выжженное дотла разочарование.

Годы шли, связывая их невидимыми нитями. Линь Чжоу шаг за шагом узнавал, сколько боли скрывается за внешней колючестью друга, а Цзян Шиянь оберегал его яркое, безоблачное счастье, делясь своим теплом.

Цзян Шиянь затушил окурок в стеклянной пепельнице на подоконнике. Он сам оставил ее здесь два года назад. С тех пор она так и пылилась на прежнем месте.

Подставив лицо прохладному осеннему ветру, чтобы выветрился едкий запах дыма, Цзян Шиянь наконец шагнул обратно в комнату. Линь Чжоу сидел на кровати, уставившись на него блестящими, подозрительно влажными глазами — казалось, ткни его пальцем, и он разрыдается.

Цзян Шиянь несколько секунд молча созерцал это несчастное зрелище, а затем шумно вздохнул, подошел ближе и мягко взъерошил его мягкие волосы. На его губах заиграла едва заметная, теплая улыбка.

Он слишком долго пользовался тем, что по праву принадлежало Линь Чжоу. Пришло время вернуть долги.

<http://bllate.org/book/18995/1911107>